

История как жизнь (памяти В.Г. Чернухи)

Инна Барыкина, Леонид Гусман

В отечественной исторической науке особая роль принадлежит поколению учёных, получивших университетское образование в послевоенные годы и начавших свою деятельность в период «оттепели». Это поколение ещё застало представителей «серебряного века» российской культуры и науки – Е.В. Тарле, Н.И. Полетику, В.В. Струве, С.Н. Валка – и восприняло традиции старой академической школы. Большая группа выпускников Ленинградского государственного университета в 1950–1960-х гг. вошла в состав возрождённого в 1956 г. Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ). С этого времени их жизненный и творческий путь был связан с Институтом истории, благодаря им молодые учёные приобщались к традициям отечественной исторической школы. У каждого из представителей старшего поколения историков свой путь в науке, область исследовательских интересов, последователи и ученики. Современную историографию истории внутренней политики Российской империи второй половины XIX – начала XX в. невозможно представить без работ Р.Ш. Ганелина, Б.В. Ананьича, А.Н. Цамутали, В.А. Нардовой. Особое место в ней занимают труды Валентины Григорьевны Чернухи (1930–2014).

«Я простая псковская девчонка», – говорила о себе Валентина Григорьевна. Она родилась в Пскове 13 ноября 1930 г. в семье кадрового военного Григория Денисовича и преподавателя русского языка и литературы Веры Ивановны Чернухи. Отец будущего историка получил назначение на Балтийский флот, и семья переехала в Ленинград. Петергофский проспект, Адмиралтейские верфи, Старо-Калинкин мост с тех пор всегда напоминали Валентине Григорьевне об отце. Она хорошо знала историю своего дома и расположенных в этом районе зданий и охотно делилась воспоминаниями о них. Душой семьи была мама, никогда не сидевшая без дела, умевшая окружить своих близких и друзей теплом и заботой. Она успевала сочетать домашние дела и работу, никогда не опуская рук и находя выход из любой ситуации. От неё Валентина Григорьевна унаследовала особое искусство – давать советы (не только в житейской, но и в научной сфере), не навязывая их, а мягко подсказывая, как поступить. Рассматривая житейскую или историческую ситуацию, она могла говорить иносказательно, привести в пример аналогичную ситуацию из жизни (своей или знакомых, а порой исторических деятелей), выводы же собеседник должен был сделать сам. Это умение увидеть многое в малом, подмечая частные детали, воссоздать общую картину стало особым стилем её научных работ.

Семья Валентины Григорьевны пережила суровую блокадную зиму 1941/42 г., затем эвакуацию и возвращение в Ленинград. Здесь в 1948 г. она окончила школу и поступила на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Этот выбор определил не только её судьбу как

учёного, но и круг друзей и коллег, оказавшихся затем рядом с ней в Институте истории, где многие активно работают и в настоящее время. Среди университетских преподавателей выделялся С.Н. Валк, ученицей которого она и стала. Их объединяли не только научные интересы – внутренняя политика России XIX в., – но и непримиримое отношение к политической конъюнктуре в историческом исследовании. Валентина Григорьевна стремилась передать эти традиции своим ученикам, обращая их внимание на работы Валка, в первую очередь на макет курса истории СССР¹. Её особое отношение к учителю передано в посвящённых ему статьях². Валентина Григорьевна считала себя продолжателем традиций петербургской исторической школы и последовательницей таких учителей своего наставника, как В.И. Семевский и А.Е. Пресняков – учёных, различных по творческому методу и темпераменту, но единых в преданности Клио.

После окончания университета в 1953 г. Валентина Григорьевна работала в Музее Октябрьской революции (ныне Музей политической истории России), затем в Ленинградской группе Института славяноведения АН СССР, а в 1967 г. перешла в Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН) в группу по истории СССР периода капитализма, которую возглавлял Валк. Основными направлениями её занятий стали правительственная политика, реформы второй половины XIX в., противостояние реформаторов и консервативной партии. В Институте истории она защитила кандидатскую (1969), а затем докторскую (1978) диссертации, которые были опубликованы в виде монографий³.

К комплексному изучению внутренней политики этой эпохи историки приступили в послевоенный период, когда в их поле зрения оказались свидетельства участников событий, стали публиковаться дневники государственных деятелей, назрела необходимость в более отчётливом представлении о реформах и контрреформах, потребовалось объяснение мотивов и результатов действий власти. Наиболее значимыми в числе таких исследований стали работы С.Н. Валка, П.А. Зайончковского, В.В. Гармизы, Б.В. Виленского, Л.Г. Захаровой⁴. Однако в условиях сильного идеологического давления тема внутренней политики российского самодержавия представляла немалую сложность для беспристрастного исследователя.

Во второй своей монографии В.Г. Чернуха подвергла анализу попытки отечественного абсолютизма приспособиться к меняющемуся времени, найти ответы на его вызовы⁵. Она выделила три проблемы в области модернизации государственного управления в 1860–1870-х гг.: «правительственный

¹ Валк С.Н. Внутренняя политика царизма в 80-х – начале 90-х годов // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856–1894). Ч. I. М., 1951.

² См., например: Ганелин Р.Ш., Чернуха В.Г. С.Н. Валк (1887–1975) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб., 1998. С. 299–316.

³ Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.). Л., 1972; она же. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

⁴ Валк С.Н. Указ. соч.; Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952; он же. Отмена крепостного права в России. М., 1968; он же. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964; Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957; Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; Захарова Л.Г. Земская контрреформа. М., 1968; она же. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984.

⁵ Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма...

конституционализм», обсуждение вопроса об объединённом правительстве, подготовку податной реформы. «Конституционный кризис верхов» 1860–1870-х гг., о котором писали ещё П.Б. Струве и Б.Э. Нольде⁶, именно благодаря Чернухе стал научно обоснованным явлением. Впервые столь детально были проанализированы конституционные проекты П.А. Валуева (1863), вел. кн. Константина Николаевича (1866, 1880), попытка проведения политической реформы П.А. Шуваловым (в начале 1870-х гг.). До этого в поле зрения учёных в основном оказывался «конституционный проект» М.Т. Лорис-Меликова. Особый интерес историка к «правительственному конституционализму» П.А. Валуева и П.А. Шувалова как проявлению дворянского консерватизма, «консервативному варианту буржуазных преобразований» стал своего рода историографическим открытием.

Указав на «парадокс правительственного “конституционализма”» – сочетание консервативных целей и либеральных средств их достижения – историк продемонстрировала, что особенно отчётливо этот парадокс проявился в попытках П.А. Шувалова создать «консервативную партию», которая, сплотив консервативные силы в правительственных кругах, с одной стороны, была призвана обеспечить «первенствующую роль дворянства во всех областях экономической, социальной и политической жизни»⁷, а с другой – добивалась этого, настаивая на создании центральных представительных органов. Оппозиционные требования дворянства о допущении его к законодательству, о создании представительных учреждений начали активно выдвигаться в конце 1850-х – первой половине 1860-х гг., в период, когда «материальные интересы русских помещиков оказываются под угрозой» в связи с подготовкой и проведением крестьянской реформы. Самодержавная власть решительно противостояла конституционным выступлениям помещиков, но в правительственных кругах существовал и иной подход к созданию представительных учреждений, «предусматривавший некоторую уступку»⁸, который и был связан с именами П.А. Валуева, вел. кн. Константина Николаевича, П.А. Шувалова.

В монографии В.Г. Чернухи о внутренней политике второй половины XIX в. были заложены направления будущих исследований, которые затем стали разрабатываться не только в её трудах, но и в работах следующих поколений историков. Одним из них стало изучение проблемы поиска правящими кругами компромисса между коллегиальностью и «единством управления», поднятой Валентиной Григорьевной в связи с рассмотрением создания Совета министров. Исследовательница обратила также внимание на механизм принятия решений монархом, что в середине XIX в. вызвало к обсуждению вопрос о создании «европейского» кабинета министров с практикой коллегиального рассмотрения всеподданнейших докладов. Чернуха проанализировала критические замечания министров в адрес существовавшей в российской системе управления практики сепаратных докладов и пришла к выводу, что главный недостаток этого механизма управления современники видели в «разобщённости действий» министерств: «Дело в принципе решается императором с глазу на глаз с министром или главноуправляющим, а главы остальных ведомств... либо

⁶ Струве П.Б. Юрий Самарин // Струве П.Б. *Patriotica*: Россия, Родина, чужбина. СПб., 2000; Нольде Б.Э. *Петербургская миссия князя Бисмарка*. Прага, 1925. С. 252–260; он же. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 188–195.

⁷ Чернуха В.Г. *Внутренняя политика царизма...* С. 74.

⁸ Там же. С. 18.

вообще не знают о принятом решении, либо при последующем обсуждении дела оказываются связанными указанием или резолюцией императора»⁹.

В проблеме выбора властью пути развития государства можно выделить несколько аспектов, от которых зависит её решение: личности и мировоззрения самого монарха, позиции политической элиты, общественного мнения, внутренней и внешнеполитической обстановки. В последующих своих работах Валентина Григорьевна продолжила анализировать влияние каждого из этих факторов, постепенно формулируя своё представление об объективных возможностях и внутреннем потенциале модернизации российского самодержавия.

Особое её внимание привлекла фигура П.А. Валуева, министра внутренних дел (1861–1868), государственных имуществ (1872–1879), председателя Комитета министров (1879–1881). Попытки Валуева достичь компромисса между властью и обществом, а также добиться единства самого правительства посредством создания подобия кабинета министров постоянно встречали противодействие Александра II¹⁰. В 1980-х гг. Валентина Григорьевна приступила к исследованию процесса формирования общественного мнения эпохи Великих реформ и его влияния на власть, обобщив результаты своей работы в монографии по истории правительственной политики в области печати¹¹. В ней рассматривались взгляды Александра II и его окружения на цензурную политику, противоречивая история официальных и официозных изданий («Северная почта», «Правительственный вестник», «Русский инвалид», «Наше время», «Отголоски», «Берег»), трудные взаимоотношения высшей бюрократии, в первую очередь П.А. Валуева, с М.Н. Катковым. Этот труд был лишён как тенденциозного обличительства цензурного ведомства, так и поверхностной апологетики цензуры. Осторожность выводов, как всегда, гармонировала с их вескостью и чёткостью. «Общество» и «власть» рассматривались в монографии не в изоляции друг от друга, а в тесном взаимовлиянии, что, бесспорно, стало оригинальной чертой книги.

Демократизация советского, а затем и российского общества способствовала оживлению интереса к реформаторскому процессу второй половины XIX в. Вектор исследований этой проблематики был определён в названии коллективной монографии сотрудников Санкт-Петербургского института истории РАН «Власть и реформы», актуальность которой подтвердило и переиздание книги, сразу ставшей библиографической редкостью¹². Валентина Григорьевна написала один из центральных разделов – «Великие реформы. Попытка преодоления кризиса»¹³. В царствовании Александра II исследовательница выделила периоды активного законотворчества и последующего замедления реформ, дала взвешенную оценку роли самодержца и членов его семьи в реформаторском процессе, показав колебания монарха. Л.М. Ляшенко справедливо выделил в современной историографии Великих реформ три подхода: 1) позицию Н.А. Троицкого, согласно которой «верхи» вынуждены были пойти

⁹ Там же. С. 137. К этому вопросу обращаются и современные историки. См., например: Долбилов М.Д. Рождение императорских решений: монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. 2006. № 9 (127). С. 5–48.

¹⁰ См. также: Чернуха В.Г. Государственный деятель 1860-х: Пётр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времён. 1994. № 3. С. 97–106.

¹¹ Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989.

¹² Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. СПб., 1996; Изд. 2. М., 2006.

¹³ Власть и реформы. М., 2006. С. 260–337.

на реформы под давлением народных масс, требований общества и поражения в Крымской войне, «внутренне оставаясь противниками любых структурных преобразований»; 2) мнение Б.Г. Литвака, в работах которого Александр II выглядит человеком, помимо своей воли увлечённым «потоком событий на путь реформ»; 3) точку зрения, последовательно отстаиваемую в работах Л.Г. Захаровой, В.Г. Чернухи и их единомышленников, согласно которой «реформы 1860–1870-х годов явились осознанным выбором “верхов” и прежде всего Александра II», сделанным «ради блага страны»¹⁴.

Последней монографией В.Г. Чернухи стала книга о российском паспорте¹⁵. Она подошла к исследованию двухвековой истории этого документа как к одному из направлений изучения механизмов управления и попыток их модернизации; подробно проанализировала развитие паспортного законодательства и функции паспорта в дореволюционной России. Появление паспорта оценивается как один из инструментов государственного закрепощения личности. Зачатки паспортной системы исследовательница нашла в Соборном Уложении 1649 г., но окончательно паспорт стал символом подчинения человека государственной власти в правление Петра I. Как известно, основой внутренней политики царя-реформатора являлась теория «регулярного государства», согласно которой автономия личности воспринималась как преступление. Паспорт стал важнейшим атрибутом абсолютной монархии. Наследники первого императора в целом продолжали его политику в паспортном вопросе. Однако постепенно в стройном здании «регулярного государства» появлялись бреши. «Вольности дворянства», определённое смягчение государственной опеки над личностью в эпоху «просвещённого абсолютизма» делали паспорт уже не столь логичной частью общественного строя.

Читатель монографии В.Г. Чернухи легко может проследить, как общий характер политики самодержавной власти влиял на паспортный вопрос. Регламентация и стремление Павла I «подтянуть Россию»; либеральные настроения Александра I, сменившиеся очередным ужесточением режима; обречённая на провал попытка Николая I вернуться к «регулярному государству» – всё это находило отражение и в законодательстве о паспортах. Уже в конце XVIII – начале XIX в. ограничения свободы передвижения осознавались обществом и властью как анахронизм, однако особенно нелепыми и стеснительными они стали после отмены крепостного права. Тем не менее, хотя многочисленные бюрократические комиссии обсуждали паспортную систему, кардинальных изменений в неё не вносилось. Это было обусловлено и практичным подходом к паспортному налогу как средству пополнения государственного бюджета. Время шло, и паспорт всё больше тормозил развитие отечественной экономики, мешая мобильности рабочей силы и оставаясь рудиментом крепостного хозяйства.

Валентина Григорьевна использовала колоссальный объём источников – от публицистических до законодательных – но не «утонула» в них, а создала прекрасно структурированную книгу. Она важна и полезна ещё и тем, что автор не следует за стереотипами, согласно которым эпоха Великих реформ была временем безудержной ломки традиционного уклада русской жизни, а

¹⁴ Ляшенко Л.М. Актуальные проблемы современной историографии Великих реформ в России // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. М., 2007. С. 314–316.

¹⁵ Чернуха В.Г. Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб., 2007.

царствование Александра III – периодом «контрреформ». Исследовательница сумела показать как внутренние противоречия, замедлявшие движение вперёд в середине XIX в., так и тенденции, ускорявшие его в конце столетия. Реформы, преобразовывая крепостническую Россию, сохранили паспорт в неприкосновенности, что позволяет судить и о степени самоограничения власти, и о пределах личной свободы основной массы населения страны. Наоборот, в пору «попятного движения» («контрреформ») «паспорт стал, наконец, объектом реформирования»¹⁶.

Решение паспортного вопроса в XIX в. представлялось самодержавной властью как одно из направлений осуществления «законности», но в это понятие российские монархи вкладывали особый смысл – «установление таких правовых норм, которые именно самодержцу представлялись “законными”, ибо монарх выступал как единственный источник власти». Через всю монографию красной нитью проходит тема реформаторского потенциала самодержавной власти. Если во второй четверти XIX в. у самодержавия как формы государственного устройства ещё были «временные и организационные резервы», то к концу столетия они оказались исчерпанными. Уже Николаю II пришлось постоянно сталкиваться с тем, что «устои самодержавия» «размываются». По мнению В.Г. Чернухи, этим отчасти можно объяснить его «поспешное отступление перед аргументами о несвоевременности и опасности каких-либо уступок в деле отмены крепостного права». Ограниченность реформаторского потенциала самодержавия проявилась и в эпоху Великих реформ, когда «оно смогло провести лишь часть явно необходимых преобразований»¹⁷.

«Упущенной возможностью мирной модернизации» Валентина Григорьевна назвала события, связанные с отказом от проекта М.Т. Лорис-Меликова в апреле 1881 г. Она много размышляла о значении этого рокового года российской истории, постоянно возвращаясь к данной теме в своих лекциях и беседах. С трагической гибелью Александра II ушла целая эпоха, сначала необычайно оживившая российское общество, а затем начавшая разочаровывать. При этом реформаторский потенциал страны остался не до конца реализованным, возвращение же к реформам в 1905 г. было уже явно запоздалым.

Валентина Георгиевна одной из первых проанализировала не столь очевидные мотивы консервативной политики Александра III. Отказ от реформаторского курса в 1881 г., полагала она, был подготовлен ещё тогда, когда власть на рубеже 1870–1880-х гг. упустила политическую инициативу вследствие нарастания экономических и политических проблем, тяжести русско-турецкой войны 1877–1878 гг., разочарования общества в её итогах. Исследовательница пришла к выводу, что национализм Александра III стал реакцией власти на издержки форсированных реформ, которые проявились в отсталости в аграрной сфере, росте революционного движения, активности либеральной оппозиции. Пытаясь преодолеть кризис, власть прибегла к привычному методу репрессий. В основу консервативного курса Александра III лёг старый принцип: «государство важнее личности». Вместе с тем новый император «выбрал средний путь: стояния на месте»¹⁸. Значительную роль в этом выборе сыграли личные качества Александра III, сближавшие его с собственным дедом¹⁹.

¹⁶ Там же. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 117.

¹⁸ Там же. С. 150.

¹⁹ Там же. С. 141.

Оба они были цельными и прагматичными натурами (в отличие, например, от сотканных из противоречий фигур Александра I, Александра II или Николая II). Так же, как и Николай I, Александр III «понимал задачи самодержца буквально и пытался разрешать все дела единолично, вникая во множество специальных деталей». Валентина Григорьевна отмечала усиление централизации управления как «архаическую» черту самодержавной власти, к концу XIX в. всё сильнее проявлявшуюся «в малой производительности её высших и центральных государственных учреждений, которые всё отчетливее обнаруживают свою традиционную неторопливость, зависимость не от политических задач, а от “высочайшей воли”»²⁰.

Публикации В.Г. Чернухи всегда становились событием в научной жизни благодаря не только тщательному и вдумчивому анализу источников, осторожности в обращении с фактами и выверенности обобщений, но и научной порядочности, стремлению к истине, которые прочитывались в каждой строчке её текстов. Наука для неё и была жизнью, а жизнь – наукой. В работах Валентины Григорьевны нет примитивного морализаторства, а история не превращается в мелодраму, борьбу «светлых» и «тёмных» сил. Напротив, любая научная проблема рассматривалась ею во всей многоцветности, взгляды тех или иных деятелей не осуждались или восхвалялись, а анализировались, исходя из их внутренней логики. Валентине Григорьевне в полной мере удалось постичь опыт исторического мышления, анализ которого был дан английским историком и философом Р. Коллингвудом: учёному, изучающему прошлое, необходимо в самом себе, в своём сознании, воспроизвести «весь процесс принятия решения» историческим деятелем, его опыт, «и только в той мере, в какой ему это удастся, он получит историческое... знание значения» принятого решения²¹.

Книги В.Г. Чернухи написаны для думающего читателя, который размышляет над прочитанным и вместе с автором ищет ответ на новые вопросы. Валентина Григорьевна никогда не шла проторёнными дорогами и всегда отказывалась от удобных схем. Она обладала уникальной способностью «разговорить» исторический источник, увидеть за его скупыми строчками биение жизни, разглядеть мельчайшие детали и воссоздать целостный образ эпохи или исторического деятеля. Не случайно отдельным направлением её научной деятельности стали работы над сборниками документов, посвящённых реконструкции образов монархов.

Свойственная каждому российскому царствованию модель управления обычно определяется исследователями как «политика императора» и под этим определением входит в научную литературу. При том, что задача преобразования страны одинаково остро стояла перед Александром II и Александром III, фигуры этих императоров представляют разительный контраст. Выдающийся представитель советской исторической науки П.А. Зайончковский посвятил воссозданию образа Александра III отдельную главу монографии по истории внутренней политики конца XIX столетия. Он подчеркивал «тупость», «упрямство», «примитивизм ума» императора. При этом Зайончковский не отказывал монарху в здравом смысле, которым тот «руководствовался иногда» «в делах внешней политики». Учёный остановился и на деталях частной жизни монарха, заметил её связь с государственной деятельностью, объясняя антигерманские настроения Александра III влиянием его жены, датской принцессы,

²⁰ Там же. С. 140–141.

²¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 269.

не простившей Германии отторжения от Дании в пользу Пруссии и Австрии Шлезвига и Голштинии²².

Личность императора Александра II оказалась в центре внимания ученицы П.А. Зайончковского Л.Г. Захаровой. Занимаясь анализом подготовки отмены крепостного права, она показала монарха, вовлечённого в круговорот мнений и взглядов, оказавшегося в эпицентре борьбы различных группировок, стоявшего перед необходимостью сделать выбор, от которого зависело и его будущее, и будущее страны. Реконструировать эту картину историку помогли свидетельства непосредственных участников этого процесса. Позднее Л.Г. Захарова описала импульс, который она получила, знакомясь с источниками: «Читала увлечённо, погружаясь в совсем иной мир, иные представления о целях и задачах государственной политики и иные понятия о человеческих взаимоотношениях». «Обложившись всеми доступными первоисточниками, я мыслями и чувствами уходила в совсем иной мир, эпоху, отстоящую от повседневной действительности более чем на 100 лет»²³. Несмотря на то что П.А. Зайончковский опубликовал монографию об отмене крепостного права²⁴, Л.Г. Захарова смогла посмотреть на реформу иными глазами. Соответственно, иным представляла перед исследователем и личность монарха²⁵.

Постепенно в историографии образы монархов стали приобретать более выпуклые очертания, сквозь ход политических событий проступили чувства и эмоции тех, кто в них непосредственно участвовал. И всё же, если в личности Александра II историки отмечали положительные черты царя-реформатора, то консервативные мероприятия Александра III добавляли в его портрет лишь тёмные тона. Так складывался образ недалёкого человека, и это несмотря на то, что современники оставили об императоре далеко не столь однозначные отзывы. Стремясь создать более объективную картину, современные историки занялись переизданием воспоминаний современников и подготовкой тематических сборников таких свидетельств. Среди них выделяется серия «Государственные деятели России глазами современников». Тома, посвящённые Александру II и Александру III, были подготовлены В.Г. Чернухой. Оба сборника открываются вступительными статьями составительницы²⁶, которая поставила перед собой задачу «дать читателю представление о жизни, прожитой... человеком и императором, показать его от рождения до смерти в самые различные времена и в различных обстоятельствах»²⁷, «глазами непохожих людей»²⁸. Это позволило представить палитру мнений, полную разнообразных оттенков, подчас противоречивых, «понять существо, причины тех или иных поступков императора и мотивы его политики»²⁹. Вступительная статья,

²² Александр III и его ближайшее окружение // *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 35–46.

²³ *Захарова Л.Г.* Путь к теме // Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 9.

²⁴ *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1954.

²⁵ См.: *Захарова Л.Г.* Александр II: человек на троне (к 150-летию воцарения) // Вестник истории, литературы и искусства. М., 2005. С. 305–317.

²⁶ *Чернуха В.Г.* Великий реформатор и великомученик // Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 5–36; она же. Александр III // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 5–40.

²⁷ Александр II... С. 36.

²⁸ Александр Третий... С. 38.

²⁹ Там же.

предваряя знакомство читателя с документами, вводит его во внутренний мир монарха, несущего бремя власти, осознающего тяжесть этой ответственности, но в то же время испытывающего чувства частного человека. Автору удалось передать это противоречие, поставить читателя перед «психологической загадкой» «соотношения верховного правителя и частного лица»³⁰, «вдохнуть жизнь» в конструируемые образы. Вместе с тем Валентина Григорьевна обратилась к одному из важнейших факторов, влияющих на выбор курса развития страны, – мировоззрению монарха. Эта линия исследования неизбежно вела к размышлениям о процессе формирования качеств государственного деятеля, его подготовки и развития.

Исследовательница продолжала работать над темой и после выхода книги, пересматривая уже опубликованные тексты и оставляя на полях сборника многочисленные маргиналии. Эти наброски легли в основу её лекций, прочитанных в Европейском университете и в петербургских музеях. Черновые записи приоткрывают дверь в исследовательскую лабораторию историка. Размышляя о том, какой жанр выбирает исследователь, приступая к изучению исторической личности, она выделила два аспекта – «человек с биографией» и «человек без биографии». По мнению В.Г. Чернухи, первый персонаж не свободен, он «укладывается в клише, которое создает эпоха». В глазах современников и историков «человек с биографией» обладает полной свободой, но направление его деятельности уже задано совокупностью разнообразных факторов (в первую очередь внутри- и внешнеполитической ситуацией). У «человека без биографии» «кажущаяся свобода действий», он создает «фон» эпохи, однако внутренне он более свободен, поскольку «от него ничего не зависит».

Из оценки государственной деятельности Александра II в историографии делался вывод о том, «какая форма правления предпочтительнее: монархия или республика». Так образ самодержца становился политизированным. Между тем Валентина Григорьевна обратила внимание на «сплав человеческих качеств» императора: семья Романовых была «малоталанливой» и «очень заурядной». «Александр II был человеком слабым, нуждавшемся в поводе, – отмечала она, – поэтому легко перекладывал обязанности на других. Однако он “вцеплялся” во власть, как только речь заходила о конституции».

Среди маргиналий Валентины Григорьевны есть такая запись: «Это не повествование, а размышления исследователя, в которых больше вопросов, чем ответов». Анализируя процесс исторического познания, Р. Коллингвуд отмечал особую роль сократовского метода в рассуждениях историка: учёный задает самому себе вопросы, проводя своеобразное расследование прошлого. Философ проводил параллель между исследованием учёного и судебным расследованием: результат работы в обоих случаях зависит от того, насколько точно сформулированы вопросы и в какой последовательности они заданы³¹. В.Г. Чернуха, размышляя о роли самодержавного монарха в системе управления, поставила перед собой такие вопросы: Что представляет собой государственный деятель? Какими чертами он должен обладать? При каких обстоятельствах он должен появиться? Каждый ли может быть государственным человеком? Можно ли «вырастить», воспитать государственного деятеля?

Эти вопросы, по её мнению, стояли перед каждым самодержцем XIX в., и они пытались ответить на них «в меру своей образованности» и мировоззре-

³⁰ Александр II... С. 6.

³¹ Коллингвуд Р.Дж. Указ. соч. С. 260.

ния. В поисках ответа на них Николай I занимался подготовкой к царствованию своего сына, затем эти же проблемы решал Александр II. Подготовительный процесс, организованный правящим монархом, во многом объясняет принципы управления, усвоенные его преемником. Не случайно во вступительных статьях к сборникам Валентина Григорьевна так детально рассматривала процесс обучения и воспитания наследников.

Черновые записи позволяют воссоздать процесс работы учёного по отбору материала. Она тщательно продумывала состав сборников документов, многократно выверяя список текстов, подобранных так, чтобы донести до читателя замысел составителя. В итоге перед читателем через призму свидетельств современников последовательно раскрываются основные вехи жизни главного героя и одновременно разворачиваются главные события эпохи.

Валентина Григорьевна много размышляла о том, была ли альтернатива курсу Александра III. Собирая тексты для сборника документов, она обратила внимание на источники, относящиеся к воспитанию и обучению вел. кн. Николая Александровича – старшего сына Александра II. Сегодня о рано умершем наследнике престола написаны научные и научно-популярные книги³², но до конца прошлого столетия этот сюжет не попадал в поле зрения историков. Результатом работы над темой стала не столько публикация фрагментов документов (из тех, что вошли в первый сборник, лишь фрагменты дневника П.А. Валуева касаются кончины наследника престола), сколько отдельная статья, так и озаглавленная: «Утраченная альтернатива»³³. Исследовательница подробно рассмотрела в ней как образовательный процесс, в который были вовлечены старшие сыновья Александра II, так и подход императорской четы к подготовке наследника к будущему царствованию. Она выделила особую роль императрицы Марии Александровны, взявшей обучение вел. кн. Николая Александровича в свои руки, и, «очевидно, видевшей в профессионализме монарха гарантию прочности самодержавной формы правления». В обучение наследника активно включились представители политической элиты, полагавшие, что именно в этот период закладывается фундамент политической системы будущего царствования, и стремившиеся использовать эту возможность, чтобы повлиять на развитие страны. Об этом свидетельствовала записка министра иностранных дел кн. А.М. Горчакова о задачах и формах воспитания великого князя, составленная по просьбе императрицы. Валентина Григорьевна увидела в этом документе, по сути – образовательной программе, «свидетельство усилий интеллектуалов модернизировать государственную власть», сформировав человека «с европейскими понятиями и установками, но при хорошем знании России», который в будущем встанет во главе страны³⁴.

Коллизии, связанные с выбором и сменой наставников наследника, В.Г. Чернуха рассмотрела в общем контексте борьбы либеральных и консервативных сил, в которую была вовлечена и вольная русская печать. Именно открытое обращение А.И. Герцена к императрице склонило чашу весов в пользу новаторских подходов к воспитанию, к увеличению доли общеобразовательных предметов

³² См., например: *Вербицкая Т.* Несостоявшийся император: Великий князь Николай Александрович (1843–1865). М., 2010.

³³ *Чернуха В.Г.* Утраченная альтернатива: наследник престола Великий князь Николай Александрович (1843–1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 236–246.

³⁴ Там же. С. 238.

(тогда как ранее наследники престола занимались преимущественно военной подготовкой). Усилия педагогов были вознаграждены: к совершеннолетию вел. кн. Николай Александрович, «осознававший как свою ответственность, так и пробелы в образовании, оказался внутренне подготовлен к серьёзной учёбе», вызывая восторженные отклики учителей³⁵. Завершением процесса подготовки стали образовательные путешествия по России и Европе. Во время последнего из них появились признаки ухудшения здоровья наследника, приведшие к его преждевременной смерти. В тот момент, по образному выражению Валентины Григорьевны, «колесо российской истории повернулось».

К этому сюжету исследовательница вернулась во вступительной статье к сборнику документов «Александр III»³⁶. Уже при подготовке тома об Александре II у неё стал постепенно вырисовываться замысел следующей книги – о его преемнике, избравшем альтернативный политический курс. Без преувеличения можно сказать, что постепенно изучение личности Александра III захватило Валентину Григорьевну. Собирая, внимательно и вдумчиво анализируя противоречивые свидетельства современников, она сумела воссоздать «трагическую фигуру» монарха, наполнив её жизнью и обратив внимание не только на яркие краски в его портрете, но и на полутона.

В последних статьях В.Г. Чернухи нет жёсткого противопоставления царствований Александра III и Александра II и личностей двух монархов. Она пришла к выводу, что политика Александра III была «намного сложнее, чем только консервативная или либеральная», что «в ней можно найти не только контрреформы, но и продолжение реформ, намеченных, но не проведённых в предшествующее царствование»³⁷. Однако формат сборников не позволил поместить все отобранные материалы. Перечитывая сборники, Валентина Григорьевна отмечала, какие документы следовало бы добавить. Среди записей иногда появлялась и заметка «Pro et contra». Именно антологии из серии «Pro et contra», посвящённые Александру II и Александру III, дали возможность опубликовать намеченные тексты³⁸. Работу над ними исследовательница продолжала до последних дней.

В.Г. Чернуха – мастер не только научного исследования, но и слова. Она добивалась, чтобы её монографии и статьи были максимально ясны даже не слишком подготовленному читателю. Особое значение она придавала началу статьи, объясняя, что самое сложное – найти слова, способные увлечь читателя с первой строки. Была Валентина Григорьевна также строгим и требовательным читателем, оставлявшим на полях прочитанных книг многочисленные вопросы к их авторам. По-особому относилась она к созданию комментариев к документам. В подготовленных ею сборниках каждый комментарий представляет отдельное произведение, зарисовку, повествующую об авторе текста и одновременно дающую красочное представление о времени и мотивах создания источника. Героями этих небольших, но ярких очерков стали А.Ф. Тютчева, А.В. Жуковский, П.А. Кропоткин, П.А. Валуев, вел. кн. Константин Николае-

³⁵ Там же. С. 243.

³⁶ Чернуха В.Г. Александр III // Александр Третий... С. 6–10.

³⁷ Чернуха В.Г. Император Александр III: его жизнь и характер, политика и ее оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. СПб., 2012 (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III). С. 610.

³⁸ Александр II: Pro et contra / Вступит. статья В.Г. Чернухи; сост., коммент. И.Е. Барыкиной, В.Г. Чернухи. СПб., 2013; Александр III: Pro et contra, антология / Сост. И.Е. Барыкина, В.Г. Чернуха; вступит. статья В.Г. Чернухи; коммент. И.Е. Барыкиной. СПб., 2013.

вич и др. Персонажи работ Валентины Григорьевны были для неё не именами на бумаге, а собеседниками; изучая тексты, она вела с их авторами своеобразную беседу, в ходе которой искала ответы на свои вопросы. В этой сократической беседе открывались мельчайшие детали не только деятельности, но и образа мыслей исторических личностей, они представляли живыми людьми со своими достоинствами и недостатками.

Главной научной целью В.Г. Чернухи было исследование факторов, определявших вектор развития российского государства в переломные моменты его истории. Она не оставила без внимания ни один из них, благодаря чему в её трудах внутривластный процесс разворачивается во всей своей полноте на фоне пёстрой картины общественной, культурной и повседневной жизни эпохи. История предстаёт перед читателем как жизнь, понятная и близкая своими волнениями и тревогами, взлётами и неудачами, надеждами и разочарованиями. Об этом Валентина Григорьевна повествует как мудрый и тонкий рассказчик, переживающий вместе со своими героями их жизненные коллизии.

Научная деятельность В.Г. Чернухи уже давно получила признание отечественных и зарубежных историков. Её мнение было важно услышать и молодым, и маститым учёным. Сотрудники музеев, перед которыми она выступала, выражали ей огромную благодарность за изданные сборники документов, ставшие для них большим подспорьем при подготовке экскурсий. Историк Л.М. Ляшенко отметил в статье, посвящённой историографии Великих реформ, сборник документов «с замечательно тонкой вступительной статьёй В.Г. Чернухи»³⁹. Валентину Григорьевну рады были принимать у себя зарубежные коллеги. Американские историки предприняли огромные усилия, чтобы сделать возможным её приезд в США в 1990-х гг. Работы В.Г. Чернухи сегодня уже признаны классикой исторической науки, а фрагменты её книг и статей включены в сборники заданий Единого государственного экзамена по истории.

Человек живёт, пока его помнят. Учёный остаётся в своих трудах и в своих учениках. Идеи, сформулированные В.Г. Чернухой, далеко не исчерпали своего исследовательского потенциала; осмысление сделанных ею открытий ещё предстоит современным и будущим историкам. Для всех, кто её знал, для читателей, открывающих её книги, Валентина Григорьевна останется живым человеком, выдающимся учёным, увлекательным рассказчиком, строгим и справедливым критиком, требовательным учителем.

³⁹ Ляшенко Л.М. Актуальные проблемы современной историографии Великих реформ в России // XIX век в истории России... С. 314.